

Б Е Л А Р У С Ь

73 сессия Генеральной Ассамблеи ООН

Пункт 82 повестки дня «Доклад Комиссии международного права о работе ее семидесятой сессии»

Кластер III (26-31 октября)

Защита окружающей среды в связи с вооружёнными конфликтами

Уважаемый господин Председатель,

Мы поздравляем госпожу Лехто с началом работы над данной темой.

В качестве общего соображения, применяющегося ко всем принципам защиты окружающей среды в связи с вооружёнными конфликтами, наша делегация хотела бы отметить необходимость устранения внутренних противоречий в документе в контексте существующего международного регулирования, в первую очередь – международного гуманитарного права. Это касается как единообразия используемой терминологии, так и когерентности принципиальных подходов к регулированию институтов МГП. В этой связи мы поддерживаем подход, в соответствии с которым ключевые аспекты международного гуманитарного права уточняются и развиваются с учётом интересов защиты окружающей среды. В нашем понимании, основной фокус документа сосредоточен на охране окружающей среды в ситуации вооружённого конфликта, а не на влиянии вооружённого конфликта на правовое регулирование охраны окружающей среды. В этой связи полагаем контрпродуктивным углублённое исследование принципов международного экологического права в рамках данной темы.

Также призываем Комиссию пересмотреть подход к сфере охвата принципов. Мы считаем, что принципы не должны затрагивать вооружённые конфликты немеждународного характера. Законодательство государства, на территории которого происходит такого рода конфликт, включая экологические нормы, продолжает действовать даже на территориях, временно неподконтрольных государству. Реальная невозможность обеспечить его соблюдение может служить в качестве основания, освобождающего государство от ответственности, как недавно показали решения Европейского суда по правам человека, но не в качестве признания иных участников конфликта субъектами, способными принимать и исполнять обязательства по международному праву. В этой

связи предлагается чётко ограничить область действия вышеуказанных принципов вооруженными конфликтами международного характера.

Нашей делегации неясно, о каких «других» мерах идёт речь в пункте 1 принципа 4. Полагаем, что «законодательные, административные и судебные» меры являются исчерпывающим перечнем действий государства.

Полагаем, что в определённой доработке нуждается формулировка пункта 2 принципа 18. Достаточно очевидно, что концепции национальной безопасности и обороны применимы к государствам, а не к международным организациям. С другой стороны, международные организации несут обязательства защиты интересов государств-участников, касающиеся, например, недопустимости передачи конфиденциальной информации третьим сторонам. В отношении данного принципа также, не умаляя значимости доступа к информации об окружающей среде, отмечаем, что основной целью документа является всё же защита окружающей среды в ситуации вооружённого конфликта. С учётом специфики ситуации следует критически оценить, насколько урегулирование вопроса доступа к информации отвечает этой цели.

В принципе 19 предлагаем учесть вероятность того, что законодательство (и в более широком смысле «правила») оккупирующего государства может носить более прогрессивный характер и, соответственно, в большей степени способствовать обеспечению благосостояния населения оккупируемой территории. Таким образом, полагаем, что обязательство соблюдать законодательство оккупированной территории может быть дополнено этими соображениями. Отмечаем, кроме того, что данный принцип имеет не полную область действия и не охватывает воздушное пространство оккупированной территории, а также содержит неопределённую формулировку «природоохранные соображения», которую предлагается изменить на «законодательство об охране окружающей среды оккупированной территории». Часть 2 проекта данного принципа предлагается исключить как частный случай части 1 вышеуказанного принципа.

Что касается применимости принципов к миротворческим миссиям ООН, то, как нам представляется, оптимальным вариантом является их использование при формулировании мандатов этих миссий, правил применения силы для персонала, а также модельных соглашений о статусе сил и средств. Не уверены, что применение института «Оккупирующей Державы» оправдано в данной ситуации.

Мы также поддерживаем позицию специального докладчика о том, что применимость принципов не должна быть увязана с правоммерностью

возникновения самого вооружённого конфликта. Другая интерпретация приведёт к абсурдному выводу о том, что государство, неправоммерно развязавшее вооружённый конфликт, освобождается от требований, применимых к жертве агрессии (по сути – получает необоснованное военное преимущество).

Полагаем, что в представленном документе не следует чрезмерно фокусироваться на анализе прав человека, которые могут быть затронуты в результате разрушения окружающей среды вооружённым конфликтом ввиду крайне широкого перечня этих прав. Если Комиссией будет принято решение об указании конкретных прав, полагаем целесообразным в комментарии указать и конкретные источники этих прав.

В целом поддерживая принцип устойчивого использования, положенный в основу принципа 20, полагаем, что в данном принципе следует также отразить и понимание временного характера оккупации и, следовательно, презумпции против действий Оккупирующей Державы, носящих необратимый характер.

В связи с отсутствием в рамках многосторонних природоохранных режимов процедуры оценки экологического ущерба, нанесённого в период вооружённых конфликтов, а также процедуры рассмотрения жалоб о возмещении экологического ущерба нанесённого в период вооружённых конфликтов, предлагается предусмотреть, хотя бы в общем порядке, механизмы возмещения экологического ущерба. Также предлагается дать определение термину «значительный ущерб», употребляемому в проекте принципа 21.

Правопреемство государств в отношении ответственности государств

Уважаемый господин Председатель,

Наша делегация благодарит уважаемого специального докладчика по данной теме, господина Штурму, за его второй доклад.

Мы отдаём себе отчёт в том, что данная тема характеризуется сравнительной ограниченностью государственной практики и высокой обусловленностью историческим контекстом. Каждый случай правопреемства ответственности государств был частью более широких политико-правовых процессов и носит, по нашему мнению, уникальный характер. Это, несомненно, усложняет задачу Комиссии по выявлению общих норм и тенденций.

Беларусь выступает за крайне осмотрительный подход к формулированию презумпции наличия правопреемства в том случае, когда государство-предшественник прекратило своё существование. В данной ситуации важен учёт комплекса факторов, включая обстоятельства прекращения государства-предшественника, степень участия каждого из государств-правопреемников в управлении государством-предшественником (и, соответственно, в совершении международно-противоправного деяния) и т.п. Это ставит под сомнение возможность выработки единого правила в этой ситуации.

В отношении сферы охвата проекта статей мы разделяем мнение, высказанное в ходе обсуждения этого вопроса в Комиссии: ограничение сферы действия документа только ситуациями «правомерного» правопреемства может создать неправомерные преимущества для государств-правопреемников. Кроме того, правомерное правопреемство может сопровождаться соответствующими международно-правовыми документами, оформляющими договорённости сторон. В этой ситуации проект статей будет неприменим.

Ещё одно замечание общего характера касается необходимости обеспечить «обратную совместимость» результатов работы по данной теме с проектом статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Так, например, если подойти к рассматриваемой теме именно с точки зрения ответственности государства, то ключевым вопросом является, сохранило ли своё существование государство-предшественник. Ввиду того, что территориальные изменения, в том числе сецессия части территории, не являются *ipso facto* основанием, исключающим противоправность по смыслу проекта статей об

ответственности, существуют, по нашему мнению, основания для презумпции отсутствия правопреемства ответственности в данной ситуации. Иными словами, в той мере, в какой сохраняется субъект ответственности (государство-предшественник), сохраняется и сама ответственность – если, разумеется, не имеются веские причины для постановки вопроса об ответственности государства-правопреемника. Вопрос о том, насколько данные ситуации подпадают под иные положения проекта статей об ответственности – форс-мажор, бедствие, необходимость – подлежит дополнительному изучению.

Мы не убеждены в подходе, положенном в основу статей 7 и 9. Как представляется, деяния любого органа, даже с достаточно широкой степенью автономии, в силу проекта статей об ответственности государств присваиваются собственно государству. В этой связи, не исключая теоретической возможности обратной ситуации, полагаем важным отметить её исключительность.

Поддерживаем удачную формулировку пункта 1 статьи 11. Наша делегация понимает эту норму таким образом, что в отсутствие соглашения (в какой-либо форме, в том числе в виде одностороннего заявления, не оспоренного другими правопреемниками) правопреемства ответственности не происходит.

Поддерживаем включение понятия «движение национального освобождения» в понятие «повстанческое и другое движение», в особенности учитывая использование последнего в проекте статей об ответственности государств и едином подходе специального докладчика к их статусу.

В завершение хотели бы поддержать предложение специального докладчика об изменении темы на «Проблемы ответственности государств в ситуациях правопреемства государств». Что касается распространения сферы действия проекта статей на интересы других пострадавших в результате международно-противоправного деяния государства, то наша делегация исходит из того, что речь идёт о субъектах международного права, поскольку речь идёт о международной ответственности. Включение «диагонального» элемента в проект статей (правопреемство в отношении требований иностранных физических и юридических лиц), как представляется, повлечёт серьёзное расширение первоначально заявленной темы.

Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции

Уважаемый господин председатель,

Как уже отмечалось рядом делегаций, иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции является обычной нормой международного права. Она вытекает из общепризнанных принципов международного права: суверенного равенства государств, а также неприменения силы и угрозы силой.

Белорусской делегацией последовательно констатируется отсутствие нормы обычного международного права, закрепляющей исключение из нормы об иммунитете должностных лиц государства. Исходим из того, что «ценности» сами по себе не влияют на сложившиеся нормы международного права: только после того, как «ценность» признаётся мировым сообществом в качестве общеобязательной и оформляется в качестве нормы международного права, будь то договорной либо обычной, возможна постановка вопроса о соотношении этой нормы с ранее сформированными.

Шестой доклад об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции Специального докладчика подтверждает данный тезис. Специальный докладчик фиксирует различные подходы к определению того, имеют ли различные проекты статей, принятые Комиссией, характер прогрессивного развития или кодификации. Ранее в Шестом комитете ряд делегаций подтвердили, что существует тенденция, оправдывающая проект статьи 7 как проявление прогрессивного развития. При этом эти делегации не приводят подтверждения наличия последовательной практики государств, воспринимаемой как *opinio juris*.

С другой стороны, значительная группа государств утверждает, что международная практика не позволяет сделать вывод о существовании обычая¹ или даже тенденции² к ограничению или исключениям из иммунитета.

Поддерживаем высказанную ранее позицию о том, что всесторонний анализ практики государств по возможным ограничениям и исключениям из иммунитета должностных лиц государств от иностранной уголовной юрисдикции должен включать не только рассмотрение ситуаций, поддерживающих якобы имеющую место тенденцию к ограничению

¹ Австралия, Беларусь, Германия, Израиль, Индия, Ирландия, Иран, Испания, Китай, Малайзия, Польша, Российская Федерация, Сингапур, Великобритания, США, Франция, Швейцария, Шри-Ланка, Япония.

² Австралия, Германия, Израиль, Ирландия, Российская Федерация, США, Франция, Япония.

иммунитетов, но и ситуации, опровергающие наличие этой тенденции. При этом в каждом примере требуется отражать не только позицию государства, суд которого принял к рассмотрению дело, но и позицию государства, в отношении должностного лица которого возбуждается дело в иностранном суде.

Тот факт, что для одобрения в предварительном порядке проекта статьи 7 Комиссия прибегла к проведению голосования, отражает отсутствие консенсуса среди членов Комиссии по достаточно чувствительной теме и осложнит задачу государств, когда настанет время для того, чтобы занять какую-то позицию в Шестом комитете. Это является аргументом в пользу точки зрения об отсутствии соответствующей обычной нормы международного права.

Таким образом, в нашем понимании на сегодняшний день единственной приемлемой возможностью урегулирования иммунитета должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции, является заключение международного договора.

Мы также обращаем внимание на то, что даже если бы ряд государств в договоре согласились об изъятиях из иммунитетов, потребовались бы серьёзные гарантии в целях недопущения судебных преследований по политическим мотивам и случаев злоупотребления юрисдикцией.

Тема изъятий из принципа иммунитета должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции должна разрабатываться в тесной взаимосвязи и одновременно с установлением «конкретных процессуальных условий в целях обеспечения соблюдения всех процессуальных гарантий, которые защищают как государства, так и индивидуумов». Считаю важным подчеркнуть, что особое внимание стоит уделить не столько вопросам соблюдения прав человека и процессуальных гарантий конкретного должностного лица как и любого другого подсудимого, сколько, в первую очередь — гарантиями отсутствия злоупотреблений с точки зрения государства, претендующего на осуществление юрисдикции.

Аргументация об изъятиях и необходимости доработки проекта статьи 7 в отношении перечня преступлений по международному праву, в отношении которых не применяется иммунитет *ratione materiae*, излагалась белорусской делегацией в том числе в ходе дискуссии в Шестом комитете в 2017 году и сохраняет свою актуальность.

Обращаем внимание, что Шестой доклад также фиксирует различные позиции государств по вопросу о том, какие преступления должны быть названы в проекте статьи 7. В частности, делегации Германии, США и

Японии справедливо упомянули, что не существует никакого критерия, который оправдывал бы включение того или иного преступления.

Справедливым является вывод Специального докладчика о том, что «иммунитет не означает безответственность». По аналогии с нормами международного и национального права в сфере дипломатических представительств и консульских учреждений, а также специальных миссий вопрос об уголовной ответственности должностных лиц может ставиться перед судами государства должностного лица. Более того, презумпция юрисдикции государства должностного лица должна быть закреплена в проекте статей в качестве одного из ключевых принципов.

Ожидаем Седьмой доклад для рассмотрения выводов Специального докладчика и Комиссии по вопросам сотрудничества и международной правовой помощи между государством суда и государством должностного лица; по вопросам гарантий справедливого судебного разбирательства, а также сотрудничества государств с международными уголовными трибуналами и его возможного воздействия на иммунитет от иностранной уголовной юрисдикции. В данном контексте разделяем скептический подход отдельных членов Комиссии к целесообразности рассмотрения роли Международного уголовного суда в данной области. В нашем понимании Римский статут является самодостаточной системой, касающейся государств-участников данного международного договора, и в незначительной степени влияет на общие нормы международного права в данной области.